

Глава 1

ЛЫСЫЙ ЧИНОВНИК С ЛЫСОЙ ГОРЫ

— Но, — добавлял он, — когда я вижу, как тщательно уложены его волосы и как он почёсывает голову одним пальцем, мне всегда кажется, что этот человек не может замышлять такое преступление, как ниспровержение римского государственного строя.

*Цицерон о Цезаре*¹

Коты и клизмы! — сказал Тарарах. Медузия взглянула на него вежливо и холодно:
— Прости, Тарарах, но я женщина тёмная и не постигаю творческого полёта твоей мысли. Не мог бы ты выражаться яснее?

¹ *Плутарх. Избранные жизнеописания. М., 1990. С. 439.*

— Коты и клизмы. Катаклизмы. Я предчувствую их близость, — уточнил питекантроп.

— Пещерный юмор!

Одна из прядей медных волос доцента Горгоновой подозрительно шевельнулась. Заметив это, Великая Зуби успокаивающе коснулась её локтя.

— Меди... не надо... ты устала и взвинчена, — шепнула она.

Медузия на миг прикрыла глаза, показывая, что прекрасно это понимает и держит себя в руках.

— И по каким же признакам, позволь тебя спросить, ты делаешь такие выводы? — спросила она у Тарараха.

— Сны, — терпеливо пояснил питекантроп. — Несколько дней подряд мне снится, что у меня выпадают зубы. А зубы у меня отличные, хотя и не самые белые. В первый раз такое было незадолго до великого переселения народов, во второй — перед чумой в начале четырнадцатого века, в третий — незадолго до Первой мировой войны.

Академик Сарданапал положил Тарараху руку на плечо.

— Надеюсь, что всё ещё обойдётся. Мы должны успокоиться и быть едины. Недаром древние говорили: «Ранит не битва, ранит бегство». А пока я попросил бы воздержаться от прогнозов, — успокаивающе заметил он.

Питекантроп взъерошил волосы огромной пятернёй.

— Да что я такого сказал-то? Ну обойдётся и обойдётся! Я буду только рад! — обиженно прогудел он.

Недалеко от стены, хлопая крыльями, пролетели две гарпии. Одна из них походя обругала Великую Зуби нехорошим словом и мгновение спустя с мерзким карканьем свалилась в ров. Зуби подула на кольцо.

— Так кто из нас взвинчен? — шепнула ей Медузия.

Великая Зуби поправила свою прямую, как у пони, чёлку и вздохнула.

— Есть вещи, которые лучше не спускать. Сминдальничаешь в малом — аукнется в большом, — заметила она.

Тарарах, Сарданапал, Поклёп Поклёпыч, Медузия и Зуби стояли на участке стены, к которому примыкала Башня Призраков, и ждали. Ждали уже почти час, вглядываясь ввысь, где каждую минуту могли сверкнуть семь радуг *Грааль Гардарики*.

По балкончику Башни Призраков меланхолично плавала Недолеченная Дама и надиктовывала Поручику Ржевскому список болячек на завтра. Список перевалил уже на вторую страницу и был расписан фактически по минутам. Недолеченная Дама умела ценить своё время.

Поручик старательно записывал, сопровождая каждую новую строчку кавалерийским хохотком. Недолеченной Даме это совсем не нравилось.

— Гад ты ползучий! — сказала она с досадой. — И за то, что ты такой гад, пиши: «18:00. Укоризненно умереть на руках у страдающего мужа». Подчеркнуть один раз!

«Ползучий гад» радостно записал. Он надеялся, что на этом диктовка закончится. Но не тут-то было.

— Готово? Поехали дальше! «19:05. Укоризненно ожить на руках у безутешного мужа». «Безутешного» подчеркнуть два раза! — продолжала диктовку Дама.

Одуревший от писанины Ржевский, бунтуя, отбросил перо:

— Надоело! Не буду писать!

Дама сдвинула брови:

— А я тебе говорю: пиши!

— Ты меня не заставишь! — выкрикнул Поручик.

В голосе его супруги появились грозные нотки:

— Это что ещё за фокусы? ПИШИ! Ну же!

Ржевский не выдержал.

— А-а-а! Я тебя задушу! Недоувеченная дамочка! — задиристо крикнул он, хватая жену за шею.

Недолеченная Дама нетерпеливо поморщилась:

— Не забегайте вперёд, Вольдемар! Надо уважать расписание! Удушение намечено на послезавтра на час дня!

Это было уж слишком. Ржевский страшно закричал, схватился за голову и сгинул.

Тёплый летний вечер мало-помалу угасал. Тени становились длиннее и выцветали, сливаясь с травой. С драконьего поля доносились возбуждённые крики. Розовые языки пламени прочерчивали воздух. С той стороны защитного купола мелькали длинные зеленовато-серые тела сыновей Гоярына. На поле тренировалась новая команда, набранная Соловьём из способных учеников младших курсов. Маша Феклицева — да-да, та самая Маша, которая казалась некогда такой маленькой и смешной на чучеле крокодила! — была в ней признанным лидером. Да, летит время!

Поклёп Поклёпыч поднял воротник куцего пиджачка, что усилило его сходство с нахохлившимся грачом. Теперь пришло его время вспылить.

— Он, видите ли, задерживается! Для государственного чиновника это непростительное хамство! Мне не восемнадцать лет, и я не мальчишка, скачущий зайчиком от первого вагона кольцевой к первому ваго-

ну радиальной, так как точно не помнит, где назначил свидание! Мы имеем полное право вообще заблокировать *Гардарикку*, чтобы он расшиб себе голову, — заявил он.

— Поклёп... а ты, однако, романтик! Какое забавное лопухоидное сравнение! Неужто и ты назначал свидание в метро? Разве русалки там плавают? — улыбнулась Медузия.

Поклёп побагровел и гневно уставился на доцента Горгонову.

— Что за выводы? Откуда ты их взяла? С потолка? Не помню, чтобы я говорил что-то про себя! — прорычал он.

— Не надо, Меди! Поклёп Поклёпыч прав. Я тоже не вижу в поведении этого типа никакой логики, — примирительно поддержала Поклёпа Зуби.

Сарданапал замотал головой, не соглашаясь с ней. Его бунтующие усы, не так давно сглаженные кем-то из юных учеников чёрного отделения (сам академик пока этого не замечал), коварно оплели дужки очков.

— Логика есть. Ещё какая. Своим демонстративным опозданием он указывает нам наше место, — спокойно отметил он.

— Если так, то это чересчур! Что помешает нам повернуться и уйти? И пусть ищет нас где хочет, шатаясь по Башне Привидений и встречая лишь олухов типа Ржевского! — вспыхнула доцент Горгонова.

Академик укоризненно посмотрел на неё:

— Напротив, Меди, уходить мы не должны. Этого он и добивается. Ему необходимо придраться хоть к чему-то. Именно за этим его сюда и прислали. Я уже мысленно приготовился к тому, что он будет искать повод для конфликта. И как бы нам ни хоте-

лось превратить его в лягушку — нам придётся ему улыбаться...

— Но зачем? Почему мы должны терпеть этого червя? Зачем он вообще сюда тащится? — наивно спросил Тарахах.

Питекантроп был устроен с восхитительной простотой. Голоден — ешь, весело — радуйся, обидели — дерись, любишь — целуй.

— Буян, — коротко отвечал Сарданапал. — Кое-кого на Лысой Горе посетила мысль, что школу на острове можно закрыть и устроить здесь санаторий для престарелых магов, которым-де нужен хороший климат. Но это всё уловки для простофиль. Сдаётся мне, милейший Бессмертник Кошчев надумал под шумок загнать островок японским магам... Буян — лакомый кусочек для многих. В мире нет ни одной школы, которая была бы так удачно расположена. Обычные школы ютятся на замкнутой территории по соседству с лопухоидами, маскируются под пустырь или болото и даже дракона лишней раз боятся из ангара выпустить.

Тарахах протиснул в уши свои толстые мизинцы и энергично прочистил их, точно сомневаясь, действительно ли он слышит всю эту чушь или всему виной грязь.

— Закрыть школу? А как же студенты? О них что, забыли? — спросил он с недоумением.

Сарданапал подошёл к краю стены и, держась рукой за зубец, глянул вниз на цветущий ров:

— Нет, не забыли. Бессмертник никогда ни о чём не забывает. Взамен острова Буяна школе предлагают замечательный участок земли в Заполярье. Чрезвычайно живописное место! Вечная мерзлота. Полгода ночь, полгода день. Возможность круглогодично раз-

водить северных оленей, много мха, ягеля и бонус в виде северного сияния.

— А драконы? А жар-птицы? Они не выносят холода. Единороги же вообще не выдержат переселения. Они очень привязаны к месту своего рождения. Как же это, академик? О чём они там все думают? — растерянно спросил Тарахах.

Сарданапал по-прежнему упорно разглядывал ров.

— Примерно те же доводы привёл и я. Но мне было открытым текстом сказано, что не стоит гробить отличную идею мелочными придирками. Жар-птицы — ерунда. Их с удовольствием возьмёт любая школа, тот же Магфорд, к примеру. Драконов можно продать, а кого не купят — усыпить, поскольку они будут своим рёвом нарушать покой милейших пожилых магов.

Питекантроп распрямился, сжимая кулаки. Его честное лицо побагровело. Встретясь с ним в этот миг пещерный лев, он и то задумался бы: а так уж ли он голоден? Стоит ли связываться?

— Так, значит, этот тип, этот мерзавец, этот шут гороховый приезжает, чтобы закрыть Тибидохс и усыпить моих драконов? Я его самого усыплю вот этими самыми руками! — прорычал Тарахах.

— Успокойся, Тарахах! Такими полномочиями он не обладает. Он приезжает, чтобы составить отчёт, который будет зачитан комиссии на Лысой Горе. Пока было лишь предварительное заседание в сокращённом составе. Увы, Кощеев подстроил всё так, что оно завершилось не в нашу пользу. Мне удалось оспорить его результаты и настоять на экстренном созыве расширенной комиссии. У нас тоже есть кое-какие союзники из белых магов. Да и не всем чёрным нравится,

что все стратегические решения принимаются исключительно Кошечевым и его кликой. В общем, шанс есть. Но многое зависит от отчёта. Насколько уничтожающим он будет. Поэтому мы должны вести себя крайне корректно, — заключил Сарданапал.

Едва ли питекантроп его слышал. Речь академика была для него слишком длинной и загромождённой непонятными ускользающими словами. Комиссия... заседание... Разве это главное?

— Мои драконы... мои жар-птицы... единороги... алконосты... сфинксы... Сарданапал! Как же это? Мы знаем, что на нас с дерева свалится клоп-вонючка, и не можем его придавить, потому что вони будет втрое больше? — с удивлением сказал Тарах.

Новая волна гнева захлестнула несложную душу преподавателя ветеринарной магии. Отняв от лица ладони, он посмотрел на академика с укором. Так смотрит собака, которую хозяин незаслуженно ударил.

— Как я смогу нянчиться с этой приезжей дрянью, если каждую секунду буду помнить о моих драконах? — спросил он с болью.

— Не надо, Тарах! Нянчиться тебе не придётся. Он прозорлив, а ты слишком наивен, чтобы здесь была возможна какая-то моральная комбинация. Просто будь самим собой. И проконтролируй джиннов, чтобы они навели порядок в ангарах. Ревизор туда наверняка заглянет, равно как и во все остальные места.

— Ревизор? — повторила Великая Зуби голосом, который насторожил бы любого из её студентов, но не насторожил академика. Он никогда не прислушивался к Зуби в подобных ситуациях.

— Да. И чудовищно придирчивый. Слышали об институте общего и сравнительного чародейства в Ека-

теринбурге? Одна из первых его ревизий. Директор института покончил с собой, запив толчёный алмаз раствором цианида. Весь профессорский состав перевёлся в Верхнее Подземье прививать нежить от бешенства, а все младшие научные сотрудники мужского пола добровольцами ушли в магмию. А всё почему? Бедняги не смогли объяснить ревизору, куда подевался глобус для точечной телепортации и откуда в журнале посещаемости всплыли два несуществующих студента.

— Вот зверь! И докопался же! — сказал Поклёп с восхищением. Он умел ценить родственные натуры.

— Именно так. Зверь и зануда. Мы должны быть готовы, что он станет совать свой нос во всё — сколько кровавых пятен оставляют призраки на лестнице и соответствует ли это нормативу, почему у Большой Башни ржавый шпиль и как часто меняют памперсы атлантам.

— Сарданапал! Мне не смешно! — укоризненно сказала доцент Горгонова.

— Мне тоже, Меди! Это смех сквозь слёзы. Скоро в стенах Тибидохса смеяться будут только Поручик Ржевский и его милая жёнушка. Последняя же, как известно, смеётся лишь на похоронах, — уточнил академик.

Великая Зуби зябко спрятала руки под пончо. Она мёрзла всегда и везде.

— Ревизор... Помнится, Гоголь писал о чём-то подобном. Ты не забыла, Меди, как третьекурсники привезли к нам Пушкина и молодого Гоголя? Мы ещё недоумевали, каким образом они протащили их сквозь *Гардарику*. Оказалось, что в желудке дракона... Пушкин написал о Буяне, а Гоголь заинтересовался историей Вени Вия. Не стоило позволять ему так много смотреть зудильник, — добавила Зуби.

Высоко над лесом полыхнули семь радуг *Грааль Гардарики*, и тотчас над вершинами деревьев разлилось зарево. Какое-то время оно сохранялось, прежде чем вечер поглотил его, приняв в свои усыпляющие руки.

— Когда прилетает белый маг — зарево не такое ядовитое. Чаще светло-розовое, — заметил Сарданапал.

Не многие знали о свойстве *Гардарики* отражать суть души вновь прибывшего. Разве что преподаватели. От учеников это обычно скрывали, зная склонность молодости к поспешным суждениям — фактически жестоким приговорам.

Медузия улыбнулась:

— А-а, ты тоже заметил! А я даже посчитать успела. Восемь!

Поклёп подался вперед.

— Разве восемь, не пять? — спросил он недоверчиво.

— Восемь.

— Ты могла ошибиться. Я почти уверен, что не больше пяти... Ну в крайнем случае шесть! — быстро сказал Поклёп.

— Восемь, уважаемый! Восемь! Сожалею, но я слишком занятой человек, чтобы лелеять ваши скрытые комплексы, — произнесла Медузия сухо.

Она одарила Поклёпа своим знаменитым взглядом, который в былые времена превращал древних, но не очень долговечных греков в не менее древний, но более долговечный мрамор. Некоторые из этих бедолаг, обнаруженные археологами, стоят в музеях и считаются античными статуями. Как-то, посетив один из музеев, Медузия с грустью заметила:

— Как нелепо! Вот они тут написали: «Воин с пращой. Автор неизвестен. IV в. до н. э.». На самом деле

это спартанец Агесилай, пытавшийся пробить мне голову камнем.

Одёрнутый Медузией Поклёп мрачно замолчал, с раздражением покосившись на хихикнувшего Тарараха. Разговор Поклёпа и Медузии, который кому-то мог показаться странным, на самом деле странным не был. Речь шла о времени после прохода *Гардарики*, пока не погасло зарево. Длительность зарева служила косвенным свидетельством могущества мага. Чем дольше оно сохранялось, тем значительнее были магические возможности прибывшего.

У среднего третьекурсника зарево погасало через секунду, у Тарараха — через две, у Поклёпа — через шесть, у Зуби — через семь, у Медузии — через восемь, у Бессмертника Кощева и Сарданапала — через девять секунд. Больше десяти секунд зарево не держалось вообще. Ни у кого. Десять секунд было легендарное время Древнира.

Из современных магов никто не мог повторить подобный результат. Только стражи. «Ну разве что ещё сюда прибыл бы Мефодий Буслаев, да и то не сейчас, а лет через пяток... Может, и вытянул бы секунд десять», — с сомнением говорили знающие. К ним, однако, не стоило так уж прислушиваться. Среди магов, особенно на Лысой Горе, полно так называемых «знатоков», и они тем осведомлённее, чем скромнее их собственные дарования.

Таким образом, ревизор, проникший сквозь *Гардарику*, был предположительно лишь немногим слабее Сарданапала. Магические силы его равнялись магическим силам Медузии и превосходили — даже с некоторым отрывом — силы остальных преподавателей Тибидохса.

— Вот он! — сказала Зуби негромко.

Появившись из тучи, к стене скользнула фигура в тёмном плаще. Лицо скрывал капюшон. Меловым пятном выделялся лишь белый, тягостный массив подбородка. Остальное находилось в тени. Маг летел неторопливо, уверенно, не глядя по сторонам. Так летают обычно люди солидные, которым полёт давно перестал доставлять удовольствие и служит лишь средством перемещения. Обледеневший край плаща задирался, приподнимаемый чем-то тонким и длинным. Порой так рисуют бретёров-задир, прячущих под плащом шпагу. Однако Тарамах, хорошо знавший магов, догадывался, что это может быть чем угодно, но не шпагой. В невоенное время истинный маг относится к шпагам, рапирам, эспадронам, полусаблям и всему прочему колющему и рубящему с известной долей иронии.

Вслед за Зербаганом, неуклюже вцепившись в дряхлый стул с высокой спинкой и провалившимся сиденьем, летел коротконогий пожилой карлик с жёлтым пупырчатым носом и красными глазами. Удлиненные уши покрывала седая шерсть — верный признак дальнего (а то и не очень) родства с гномами или нежитью. Другим столь же верным признаком были треугольные пильчатые зубы. На плече у карлика висела сумка с бумагами, кренившая его на сторону, точно корабельный якорь. За ухом торчало гусиное перо с жёлтым магвазинным ярлычком, подтверждавшим, что гусь скончался от птичьего гриппа. Обычные циничные шуточки чёрных магов.

Время от времени карлик начинал подскакивать и трясти спинку стула. Он ужасно боялся отстать от хозяина.

— А это кто? — спросил Тарамах.

— Не знаю. Впервые вижу. Вероятно, секретарь или телохранитель, — равнодушно ответил Сарданапал.

Тарарах поморщился:

— Телохранитель? *Этот воробей?* Не хотел бы я знать, где сейчас те тела, которые он хранил.

— Да, верно. На телохранителя он не слишком похож. Значит, секретарь, — согласилась с Тарарахом Медузия.

Больше о карлике они не говорили. Его персона явно не заслуживала продолжительного разговора.

Перед тем как опуститься, Зербеган не без ловкости сделал в воздухе резкий поворот и скользнул у стены всего в паре метров от Сарданапала. В сторону академика он, однако, не смотрел, упорно и явно умышленно не замечая его.

— На чём это он летит? Не на помеле? Что под плащиком-то прячем? — с интересом спросил Тарарах. Питекантроп явно нарывался.

Сарданапал озабоченно посмотрел на него.

— Посох. Зербеган крайне редко с ним расстаётся, — ответил он.

— Посох? Как трогательно! Дело Гэндальфа живёт и процветает? — не выдержала Великая Зуби.

— Зуби, спрячь зубки! У тебя глаза светятся! — шепнула ей Медузия.

Это было правдой. Когда Зуби ехидничала, у неё на самом деле начинали светиться глаза. Да ещё как светиться! Сияние, дробясь на тонкие лучи, пробивалось наружу точно сквозь огромные сапфиры. На новых студентов Тибидохса это обычно производило впечатление. Некоторых приходилось даже лечить от заикания.

Оглянувшись на Медузию, Зуби поспешно пробурчала заклинание, спеша затемнить очки.

— Так лучше? Не заметно? — спросила она.

— Да уж, не заметно... Доброжелательнее надо быть, мамочка. Оставь пронзительные взоры василискам и... мне! — с улыбкой отвечала Медузия.

— Это не от ехидства, Меди. Совсем нет. Просто меня дико раздражает, когда какой-то надутый фрукт притаскивается и... — начала Зуби, но тотчас, спохватившись, замолкла и изобразила если не приветливую, то вполне нейтральную улыбку.

И в самое время. Опираясь на посох, к ним неторопливо приближался плотный невысокий человек. Свой обледеневший плащ он уже сбросил, ничуть не заботясь о его дальнейшей судьбе. Кривоватые мощные ноги гостя походили на дубовые корни. Казалось, он не идёт по стене, а врастает в неё — столь властной была его походка. Массивная голова сидела на короткой негнувшейся шее чуть наискось, и невольно возникала мысль об огромной руке, некогда вдавившей её в плечи. Когда нужно было повернуться, маг делал это всем телом.

Руки были под стать ногам — короткие и мощные. Пальцы завершались жёлтыми ногтями, выпуклыми, как черепаший панцирь. Мизинец и безымянный палец на каждой руке, сросшиеся до средней фаланги и соединённые перепонкой, могли двигаться только вместе. Это (как и у его карлика, кстати) был верный признак дальнего родства с нежитью, родства древнего, жуткого, но вполне возможного. Подчёркивалось это и странной поволокой выпуклых немигающих глаз, лишённых век. Зрачок в глазах был так велик и малоподвижен, что нельзя было угадать, на кого конкретно

устремлён его взгляд, и оттого непривычному собеседнику становилось страшно.

На среднем пальце его правой руки Медузия увидела массивный перстень. В отличие от большинства магических колец перстень ревизора был необычной формы и, видимо, предполагал камень или какое-то иное украшение. Однако камень почему-то отсутствовал. Без него перстень казался щербатым и каким-то увечным. Медузию, которая во всём любила завершенность и систему, это неприятно встревожило.

Ревизор подошёл и остановился рядом с Сарданапалом.

«Похож на бульдога и одновременно на жабу!» — подумал Тарарах.

Он заметил верно. Одутловатые щёки ревизора провисали как у бульдога, а рот казался длинным, жабым. Покрасневшая, в мелких прожилках кожа была медного цвета с отдельными красными точками. Медузия безошибочно определила, что некогда эту кожу опалил жар Тартара. Никакое солнце не способно оставить такие следы.

— Добрый вечер, Сарданапал! Надеюсь, вам не пришлось долго меня ждать? — произнёс маг негромким стёршимся голосом.

— Добрый вечер, Зербеган! Ничего страшного. Посмотреть закат со стены Тибидохса — удовольствие. Обычно мы забываем, как прекрасно небо над Буяном в этот час, — спокойно отвечал Сарданапал.

Белёдые, выгоревшие в жаре Тартара брови брезгливо приподнялись:

— Вы любитель закатов, Сарданапал? Тогда вам понравится и северное сияние. В том месте, которое выбрали для школы мы с Бессмертником, его можно

наблюдать довольно часто. Суровая красота первобытных равнин, знаете ли. Внизу замёрзшее болото, а над головой всё так и сияет, так и сияет...

Правый ус Сарданапала рванулся к Зербегану, намереваясь щёлкнуть его по носу, но немного не достал. Академик тактично сделал вид, что ничего не произошло.

— Мне случалось бывать в тех краях летом. Меня раздражают тучи гнуса, который лезет в уши, в ноздри, в глаза, — поморщился он.

— О, вы и это знаете? Ну, гнус можно и уничтожить. Существуют отличные заклинания. В конце концов, можно сотворить защитный купол.

— С таким же успехом можно сотворить среди океана и новый остров, — в тон ему отвечал Сарданапал.

Ревизор с ускользящим и где-то ехидно-сочувствующим видом пожал плечами, точно чиновник, который готовится произнести: «Мне вас жаль, но решения принимаю не я».

— Что я вижу, академик, вы как будто раздражены? Не согласны с выводами предварительной комиссии? Неужели вы считаете, что почтенные Тиштря, Графин Калиостров и Бессмертник Кошечев не заботятся о детях? Да будет вам известно: дети самое дорогое, что у нас есть!

— После навоза на полях!.. Почему бы не собрать всех детей разом и не продать на колбасу? — пробурчал Тарарах, забывая о своём обещании держать себя в руках.

Едва он договорил, снизу послышался странный, крайне неприятный звук — будто задребезжало плохо закреплённое в раме стекло. Все, не исключая Зерба-

гана, стали с недоумением озираться, пока не поняли, что это хихикает карлик, секретарь ревизора. Увидев, что все на него уставились, секретарь смутился, ссутулился, скособочился ещё больше и зажал рот ладонью. Сарданапалу стало грустно. Он подумал, что это существо не просто превратилось в ничтожество, но стало живой иллюстрацией самого этого слова «ничтожество».

— Это Бобес, мой секретарь. У него странное чувство юмора. Он начинает смеяться, когда слышит что-то грустное. Бобес, постарайтесь, чтобы мы больше о вас не вспоминали! — процедил Зербаган, отворачиваясь.

Карлик торопливо закивал, хотя хозяин явно уже не мог это увидеть.

— Я не слышал ответа. Так почему бы не продать всех детей на колбасу? — с вызовом повторил Тарарах, обращаясь к Зербагану.

Ревизор всем корпусом повернулся к питекантропу и посмотрел на него в упор. Тарарах приготовился бесстрашно выдержать его взгляд. Однако это был даже не взгляд в полном смысле этого слова. Картонная пустота глаз Зербагана просто плевала ему в душу.

— У вас, господин кроманьонец, нездоровые и опасные фантазии! Особенно для педагога. Боюсь, что я вынужден буду отметить это в отчёте!.. А теперь не представите ли вы меня вашим подчинённым, Сарданапал? — сказал маг, впервые соблаговолпив заметить остальных преподавателей.

Слово «подчинённым» он выделил голосом, точно указывал каждому его место.

— Почему бы не назвать нас сразу рабами? — продолжал кипеть Тарарах.

Маг пропустил эти слова мимо ушей. Медузия взяла себе на заметку, что тактика ревизора — упорно не слышать того, чего ему слышать не хочется.

— Конечно, представлю, — сказал Сарданапал, спеша сгладить неловкость. — Друзья, это Зербаган! Маг пятого уровня, глава контрольно-ревизионного совета и много ещё кто... Зербаган, это Медузия, Поклёп Поклёпыч, Тарарах, Великая Зуби! Ещё у нас есть Безглазый Ужас, Соловей О. Разбойник, джинн Абдулла и Готфрид Бульонский, но, признаться, они сейчас заняты. Соловей тренирует команду. Готфрид гоняет в подвалах нежить...

Ревизор укоризненно качнул набалдашником посоха, и Сарданапал осёкся, пожалев, что упомянул об этом.

— В подвалах Тибидохса нежить?! Что я слышу? До сих пор?

— Подумаешь! На Буяне всегда было полно нежити. И ничего. Никто пока не умер, — неосторожно брякнул Тарарах.

— Вот именно, дорогой мой Растатах! Прекрасное уточнение: пока! Нежить может погрызть детей! Такие случаи не раз бывали в истории, — нравоучительно сказал Зербаган.

— Вы имеете в виду тех детей, которые наша главная ценность, или каких-то других, о которых я не знаю? — ехидно уточнила Великая Зуби.

— Именно, Мелкая Груби, именно! — подтвердил Зербаган. Он произносил слова медленно и отчётливо, точно по одной ронял на ладонь монетки милостыни.

— Чтобы отгонять нежить, у нас существует Готфрид. Нежить боится его немногим меньше, чем Медузии, — сказала Зуби.

— Спящий Красавец? Хе-хе, зарекомендовавшая себя личность, нечего сказать! Кроме того, если я правильно понимаю, он ваш муж, не так ли? — с осведомлённым прищуром спросил Зербеган.

Зуби задохнулась от гнева и, испытывая потребность излить на кого-то своё негодование, шуганула «Дрыгусом-брыгусом» Поручика Ржевского. Поручик, подкрадывающийся к Зербегану со столовым ножом в зубах, обиженно вскрикнул и растаял в лиловом дыму, чтобы вернуться пятью минутами позже в ужасном настроении.

— Так нечестно! Зубодёриха не дала мне его напугать! Гарантирую, он умер бы от ужаса! — пожаловался он Недолеченной Даме.

Супруга холодно воззрилась на него.

— Она спасла тебя, Вольдемар! «Дрыгус» не самое худшее заклинание из возможных. По слухам, есть магия, которая рассеивает призраков без возможности восстановления, — сказала она.

Поручик встревожился:

— В самом деле спасла? Э-э... Тогда я её прощаю!

— А я не прощаю, — заявила Недолеченная Дама. — Подумать только, я могла бы овдоветь! Какой шанс накрылся медным тазом! Ты не представляешь, как заманчиво быть вдовой! Стоишь под чёрной вуалью, вся такая несчастная, томная, и вспоминаешь, не забыла ли повесить зеркала. А все тебя жалеют, вытирают тебе слёзы и говорят, каким замечательным человеком был твой муж.

— Это только в первой части поминок. Во второй все ссорятся, обнимаются и падают в салат. И вообще многим начинает казаться, что они пришли в гости, — неосторожно сказал Ржевский.

— И ты говоришь об этом мне! Да я до тебя была вдовой четыре раза!.. Или больше? Впрочем, это совсем не важно. Тебя я пока не считаю, — добавила Недолеченная Дама.

— Пока? — недоуменно переспросил Поручик и посмотрел на жену без всякого восторга.

Тем временем Зербаган закончил свою беседу с преподавателями Тибидохса.

«Грамотно он указывает нам наше место... Это маг, сделавший себе карьеру из хамства. Любопытный типаж! Значит, чтобы преуспевать, необязательно казаться симпатягой», — мрачно думала Медузия, не трудясь экранировать свои мысли.

Ей было ясно, что от Зербагана не стоит ждать снисхождения. В том, что отчёт его будет отрицательным, сомневаться не приходилось. Бессмертник Кошчев отлично знал, кого и зачем посылает.

Зербаган грузно повернулся к Медузии. Углы его жабьего рта приподнялись в подобии улыбки. Выцветшие картонные глаза встретились с пылающими глазами доцента Горгоновой.

— Мне хотелось бы отдохнуть с дороги, чтобы завтра с утра приступить к проверке. Никто не хочет проводить меня в комнату и помочь донести вещи?

Зербаган кивнул на небольшой кожаный чемодан, который минуту или две назад сам собой возник рядом с его ногой. «Адресная телепортация. И какая невероятная точность! Он сильный маг, спору нет», — оценила Медузия.

— Может быть, вы... э-э... драгоценный Ахахах, поможете? Я бы попросил вас поработать немного носильщиком! — нагло потребовал ревизор.

Тарарах демонстративно повернулся к Зербагану спиной. Преподаватели замялись.

— Я вас провожу, если позволите... — откашлявшись, предложил Поклѐп Поклѐпыч.

Он стоял, вытянувшись как старый служака, и, прижав руки к бѣдрам, верноподданнически поедал Зербагана глазами. Заметно было, что суровый тибидохский завуч ощущает в посланце несомненное начальство.

«Странный этот Поклѐп! Всегда замечала: чем с ним хуже — тем он лучше. А начнёшь говорить по-хорошему — сразу хамеет. На что он, интересно, надеется? Что Сарданапала турнут, а он станет директором школы в Заполярье? — подумала Медузия, но тотчас отогнала эту мысль. — Нет, Поклѐп слишком верен Сарданапалу. Если он и старается поладить с Зербаганом, то лишь для того, чтобы спасти школу», — решила она. На этот раз доцент Горгонова была осторожнее и экранировала мысли прилипчивой песенкой «Пошла Дуня во лесок, нашла Дуня лопушок».

Видя, что других желающих идти с ним не наблюдается, Зербаган заверил Поклѐпа, что будет ему крайне признателен за помощь. Свои слова ревизор сопроводил подобием улыбки. Окостеневший мертвяк, которого бьют током, и тот улыбнулся бы приветливее.

Желая угодить гостю, Поклѐп схватил чемодан и протянул руку за посохом. Венчавший посох мраморный шар предостерегающе польхнул. Лицо Зербагана перекосилось. С неожиданной резвостью он отскочил и толкнул Поклѐпа в грудь, не давая ему коснуться посоха.

— Это я прекрасно донесу сам! Бобес, за мной! — сказал он со злобой и быстро направился к галерее, которая соединяла стену с Башней.

Карлик-секретарь, наблюдавший за сценой с посохом с липкой усмешечкой, спохватился и с собачьей преданностью кинулся за хозяином. Стараясь поместиться с ним рядом на узкой стене с зубцами, он вынужден был скакать боком, размахивая руками, как птица крыльями.

— Дрянь, а не человек! Бывают же такие, — процедил Тарарах сквозь зубы.

Сложно было сказать, кого он имеет в виду — секретаря или его хозяина. Под это определение подходили оба.

Поклёп, удивлённо пожимая плечами, засеменял за Зербаганом. Чемодан, оказавшийся довольно тяжёлым, колотил его по коленям. Преподаватели проводили их растерянными взглядами.

— Сарданапал, вы заметили, как наш гость всполошился? Даже испугался? — негромко спросила Великая Зуби, когда те скрылись внутри галереи.

— Да.

— Он едва не ударил Поклёпа! А ведь тот только хотел взять его посох!

— И это я заметил.

— Но что особенного в его посохе? Возможно, это сильный артефакт?

Помедлив, академик пожал плечами.

— Не исключено. Хотя по мощи это явно не посох волхвов и даже не его воплощение. Но меня больше занимает перстень Зербагана. Почему там нет камня? — произнёс он задумчиво.

— И всё же Зербаган испугался, когда Поклёп протянул руку к посоху! — настаивала Зуби.

Сарданапал невозмутимо взглянул на неё:

— Возможно. У всех есть свои тараканы и свои скелеты в шкафу. Уважение к чужим тайнам — непременное условие сохранения собственных.

Зуби недоверчиво заморгала. Толстые стёкла очков увеличивали её грозные глаза с тяжёлыми веками. Случись рядом сова, она застрелилась бы от зависти.

— Сарданапал! Я не верю своим ушам! Вы собираетесь с ним церемониться? С этим?! — воскликнула она.

Академик покачал головой:

— Я не намерен лезть в его тайны. Вражда обязана быть великодушной хотя бы потому, что от дружбы великодушия редко когда дождёшься. Никто не царапает тебя так больно, как друг. Хотя сам же потом прибежит с зелёной.

— Чушь! Я не верю в ненависть в белых перчатках. Если уж ненавидеть... так ненавидеть! Чтоб клочья летели! — сказала Зуби с негодованием.

— Видишь, Зуби, какие мы с тобой разные. А я вот вообще не верю в продуктивность такого чувства, как ненависть, — ответил Сарданапал.

Пожизненно-посмертный глава Тибидохса достал золотой зажим и аккуратно закрепил им свои бунтующие усы. Усам не терпелось разобраться с медлительной, но сильной бородой, которая мирно дремала, обвив шею академика.

Зубодёриха фыркнула. Её глаза под выпуклыми стёклами сердито блеснули. Маленькая дамочка в пончо была похожа в этот миг на задиристого воробья.

Сарданапал примирительно коснулся её локтя:

— Зуби, я вижу, что не убедил тебя. Это извечный спор чёрных и светлых магов. Каждой стороне есть

что положить на весы... Однако мне всю ночь работать. Книги отчётности Тибидохса в кошмарном запущенном состоянии.

— Правда? — не поверила Зуби.

Сарданапал задумчиво посмотрел на щеголевато загнутый край своей туфли. В персидском и мидийском царствах носили именно такие туфли, и глава Тибидохса был почему-то уверен, что рано или поздно мода вернётся. мода — это бегающий по комнате контуженный псих. Догнать его невозможно, но если спокойно стоять на месте, то рано или поздно он сам на тебя налетит.

— Видишь ли, Зуби, обычно я полагался на заговорённое перо. Оно само вело все книги. Но сейчас мне кажется, что лучше всё перепроверить. Меди... простите... доцент Горгонова, вы не откажетесь помочь? — попросил академик.

— Доцент Горгонова не откажется! И не вижу здесь ничего смешного, — холодно сказала Медузия, заметив, что губы у Зуби вытянулись в язвительную ниточку.

Когда остальные преподаватели разошлись, академик и Медузия долго молчали. Порой они без слов понимали друг друга лучше, чем со словами. Слова, если разобраться, — прыгающие мячики в руках у жонглёра. В общении людей действительно близких слова скорее затуманивают смысл, чем помогают что-то прояснить.

— Ты ведь знал Зербегана прежде? — спросила наконец Меди.

В мире нет ничего моложе старой любви. В присутствии других преподавателей Медузия старалась называть Сарданапала на «вы». Сейчас, однако, такая необходимость отпала.

— Да, знал. Видел его на заседании предварительной комиссии, когда летал на Лысую Гору, — подтвердил академик.

— Это было недавно. А до того? Вспомни!

— Зербаган не из тех, кто любит общество. Я тоже, как ты знаешь, кабинетный червь. Хотя лет двести назад, кажется, мы встречались в Магцестве... Совсем мельком встречались, на уровне «Привет! Очень приятно! А я вообще-то уже ухожу!».

— И он уже тогда был с посохом?

— Кажется, да... Он всегда с посохом. Точно... он пожимал мне руку, а в другой у него был посох, — рассеянно кивнул академик.

По волнообразному колебанию его бороды было заметно, что Сарданапал думает уже о чём-то другом.

— Перстень... он и тогда уже был без камня, — вспомнил вдруг он.

Глава 2

КОНТРАБАС ПРИБИВАЕТ ПО РАСПИСАНИЮ

Когда человек достигает своего потолка,
он ударяется об него и падает вниз.

Печальная истина

Когда кто-то постучал в стекло, первой мыслью Тани было, что прилетел купидончик. Не отрываясь от конспектов, она привычно зачерпнула полную горсть печенья и дёрнула раму, собираясь произвести обмен. Её оглушил страшный рёв. За окном на новом громадном пылесосе, похожем на широкое хромированное ведро, восседал Баб-Ягун. Мощная, едва ли не в ногу толщиной труба пылесоса была направлена вниз.

— Тук-тук! К вам можно? Это я, почтальон, привёз кости на бульон! — воскликнул он жизнерадостно.

— Привет, Ягун! — сказала Таня.

Играющий комментатор наклонил голову и пронизительно посмотрел на неё.

— И это всё, чего я удостоился? Жалкого формального привета? Картина Репина «Не ждали»? — поинтересовался он не без ехидства.

— Я готовлюсь к экзамену!

— А, ну да! Экзамен у тебя как состояние души или как вечный насморк. У всех бывает, но не у всех

проходит!.. Некоторые люди вечно ходят с салфеточками, сморкаются в них, а потом забывают где попало, как Попугаева.

— При чём здесь я?

— Да ни при чём. Не перестанешь ботанеть, станешь Шурасиком в юбке.

— Хорошего же ты обо мне мнения! И вообще: мне нравится Шурасик! — с обидой сказала Таня.

Ягун, как обычно, не полез за словом в карман:

— И мне, вообрази, Шурасик нравится! Но одно дело нравиться, а совсем другое — быть похожим. Вот мне слон, к примеру, нравится. Разве из этого следует, что я мечтаю быть похожим на слона?

Шар сам подставился, чтобы влететь в лузу.

— Ты и так похож на слона! — сказала Таня, протягивая между Ягуном и слоном связующую нить.

Уши у Ягуна торчали так же, как в детстве, и так же рубиново пунцовели, когда сквозь них просвечивало солнце. Как в тот первый день в квартире дяди Германа, когда Таня ощущала себя самым несчастным человеком в мире... День, когда начались чудеса!

— Да, уши у меня козырные! Завидуешь — так и скажи! А что у нас тут? Приблудившиеся калории? Подкормка для сирот с крыльшками?.. Нет-нет, не убирай! Оставлю себе на чёрный день! — засуетился Ягун.

Вскинув трубу, он ловко впылесосил с Таниной ладони печенье. Тетради белыми растрёпанными птицами вспорхнули со стола и отправились в нутро пылесоса вслед за покрывалом с кровати.

Это был уже явный перебор. Труба забилась, и, сясь проглотить ком, пылесос стал сипеть и кашлять, как подавившаяся лошадь.

— Это тоже на чёрный день? — хмуро спросила Таня.

Ягун замотал головой:

— Я не виноват! Он сам зацапал! Я его нравственно порицаю! Нет, ну каков у меня пылесосище! Просто зверь, да? Летаю — и словно уже в рай попал! Спецзаказ магробополитена! Представляешь, сколько в нём ватт?

— Так там ещё и вата? Жуть какая! — легкомысленно сказала Таня.

Что ни говори, а в магическом образовании есть свои пробелы. Ягун выключил пылесос, который и без того уже почти заглох, и, втаскивая его за собой, через окно влез в комнату. Большое зеркало, висевшее в углу, немедленно поймало его отражение и, забавляясь, принялось вертеть, переодевая в самые невероятные костюмы. Вот Ягун в белом врачебном халате со стетоскопом на шее, вот в кожаной куртке из драконьей кожи с красным пиратским платком на голове, вот в строгом костюме в стиле «а шли бы вы со своим прайсом», а вот и в набедренной повязке племени мумба-юмба...

— Ишь ты! А в форме пожарника слабо? — заинтересовался Ягун и тотчас получил желаемое. Из зеркала на Ягуна уставился щекастый восемнадцатилетний лоботряс в пожарной форме.

— Прикольное зеркало! Где украла? — спросил Ягун.

— Тётя Нинель выписала на Лысой Горе и прислала Пипе.

— Ясно. А Пипенция испугалась, что зеркало при посторонних покажет её в купальнике, и передарила тебе? Вот они — истинные мотивы великодушия! — понимающе заявил Ягун.

Таня улыбнулась. Последние полгода она боролась с собой и старалась не говорить ни о ком плохо. Но не говорить самой и слушать — это разные вещи.

— Пипа и правда немножко располнела, — признала она осторожно.

— Вот и я говорю! Ещё половина этого «немножко», и в Тибидохсе придётся укреплять лестницы, — кивнул Ягун. — А теперь момент! Ич! Ни! Сан!

Он поочерёдно отщелкнул все три зажима и, сняв с пылесоса крышку, извлёк из мусоросборника конспекты и покрывало. Конспекты Таня сразу схватила, а покрывало так провоняло русалочьей чешуёй, что пришлось испепелить его боевой искрой. Никаких иных способов спастись от назойливой вони не существовало.

— Знаешь, за что я тебя люблю? За то, что ты выше быта! — заискивающе сказал Ягун.

Таня мрачно подула на раскалившийся перстень. В комнате настойчиво пахло болотом.

— Кто тебе сказал, что я его выше? — спросила Таня с сомнением. Только что она в очередной раз убедилась, что дружить с Ягуном нелёгкий труд.

— Ты должна быть выше! Человек, способный перегрызть глотку ближнему своему из-за покрывала, не достоин носить высокое имя «Татьяна», — коварно сказал Ягун и добавил: — Кстати, я ведь к тебе по делу.

— По какому делу?

— Ты в курсе, что через две недели — год, как мы окончили Тибидохс?

Таня была в курсе:

— Ага... Народ разлетелся кто куда. В магспирантуре мало кто остался. Кое-кто пишет, но многие пропали с концами.

Таня повернулась и посмотрела на кровать Склеповой, пустовавшую с тех пор, как одиннадцать месяцев назад Гробыня покинула Тибидохс. Рядом одиноко поскрипывал скелет ДырЬ Тонианно. Изредка по его руке от плеча и до запястья пробегала волна. Ржавая шпага звякала. ДырЬ Тонианно тосковал. Будь он человек, о нём сказали бы, что он похудел и осунулся. Однако скелет осунуться не мог, и в этом было его преимущество, хотя и грустное. Пипа, не закончившая ещё учиться, так как она поступила в школу позже, переехала в освободившуюся комнату Верки Попугаевой, и Таня смогла вкусить все удобства отдельного проживания. Правда, удобства эти были скорее надуманные, поскольку Тане нередко бывало скучновато. Лучше уж Пипа, чем совсем никого.

— А давай соберём народ снова! На годовщину выпуска! Сарданапал и Медузия не против, — радостно сообщил Ягун. Он явно собирался сделать это как-то более торжественно, но не удержался и выпалил сразу.

— Ты что, серьёзно? Преподы разрешили? — усомнилась Таня.

Играющий комментатор с негодованием выпрямился:

— Серьёзно? Я? Терпеть не могу это слово! От него веет жутким занудством!

— Так они разрешили?

Ягун хитро прищурился:

— Как тебе сказать... Что такое, в сущности, вечер встречи? Слетелись люди на пять-шесть часиков. Вспомнили прошлое, потрепались, выпили тайком бутылочку амброзии, посмотрели друг другу в ясные очи, обменялись номерами зудильников, по которым никто никогда не будет звонить, и всё — пора разлетаться...

Нетушки! Мне этого мало. За такой короткий срок я не успею эмоционально прочухаться.

— И что? — нетерпеливо спросила Таня.

— А то, что я выпросил у преподав ТРИ ДНЯ! — радостно завопил Ягун. — А то и больше чем три, понимаешь? Как карта ляжет! Поклёп разворчался, что не сможет найти столько свободных комнат, но тогда бабуся — хех! — сказала, что положит всех, кому не достанется мест, в магпункте, и ему пришлось заткнуть фонтан аккуратно свёрнутой тряпочкой... Комнаты — ха! Я вообще не верю, что кто-то будет спать эти три дня. В мире существует столько взбадривающих заклинаний!

Таня уставилась на Ягуна с радостным недоверием:

— Три дня? И Медузия с Зуби не против?

Ягун замялся. Пижонство в нём боролось с фактами.

— Они согласились на удивление быстро. Их даже не пришлось колотить головой о колонны...

— Ягун! Ты лжёшь как сивый... как симпатичная старая лошадка некогда мужского пола, — воскликнула Таня.

— Ну хорошо! Я попросил бабуся. Бабуся — Соловья, Соловей — Зуби, та — Медузию, и они обе уломали Сарданапала... Ну не будет же Тарарах палки в колёса ставить? Даже Поклёп скрипел значительно меньше, чем можно было ожидать. Реально против только Безглазый Ужас, но, поскольку он призрак, к его мнению никто всерьёз не прислушивается.

— А он против?

— Не то слово. Рвёт и мечет. Швырнул в Сарданапала свою голову. Так и ушёл без неё, натыкаясь на стены!

Таня поморщилась. Ужас всегда любил хорошо отрежиссированные постановочные истерики. Чего стоила одна его привычка раз в месяц, строго по расписанию, звенеть кандалами и, завывая, шататься по подвалу, пугая нервных первокурсников!

— Странный он какой-то. Ему-то какое дело? — спросила она.

— Обычная история. С призраками вечно что-то не так. Пророчествует, что всё скверно закончится, что мы не знаем историю Тибидохса и прочую чушь в том же духе, — отмахнулся Ягун, но тотчас, вспомнив о чём-то, приуныл. — Правда, может, скоро и Тибидохса никакого не будет, — добавил он грустно.

— Как это? — встревожилась Таня.

Ягун огляделся и, убедившись, что никого нет рядом, поманил её к себе:

— Ты умеешь хранить секреты? Тогда слухай сюда!.. Ой, блин! Я же поклялся мамочке моей бабусе «Разрази громусом», что не скажу об этом ни одной живой душе! Что будем делать? Убивать тебя вроде жалко.

— Живой душе? — невинно переспросила Таня.

Таня и Ягун обменялись многозначительными взглядами, после чего Таня показала пальцем на стул. Плох тот магспирант, который не знает, как обойти «Разрази громус». Магия такого рода действует прямолинейно и растолковывает всё буквально, что очень располагает к казуистике.

Ягун хмыкнул:

— Думаешь? А вдруг это не стул, а какой-нибудь заколдованный прыну? Типа «Мама, не превращай меня в мебель! Я буду есть манную кашу!» Не жалеешь ты меня, Танька!.. Ну да ладно!.. Рискнём старостью лет!

Внук Ягге подошёл к стулу, нежно похлопал его по спинке, смахнул с сиденья пару пылинок и, усевшись рядом со стулом спиной к Тане, вкрадчиво сказал:

— Стул, а стул! Тут такое дело... разговор есть! Слушать будешь?

Стул, понятное дело, промолчал. Он был сдержанный парень.

— Так вот, стул, какое дело! К нам, брат мой стул, в Тибидохс вчера вечером припёрся проверяльщик с Лысой Горы. Мрачный тип по имени Зербаган. Ходит по школе со здоровенным таким посохом, который заканчивается каменным шаром, и суёт свой нос во все дыры, куда нос может теоретически пролезть.

— А чего хочет проверяльщик? — спросила Таня.

Ягун благоразумно промолчал. По сценарию он вообще не должен был догадываться о присутствии в комнате Тани. Всё-таки «Разрази громус» клятва смертельная, и забывать об этом не стоило.

— Стул, а стул! А что... э-э... что едят на завтрак хмыри? — поправилась Таня. Вопрос про проверяльщика был уже задан, и теперь требовалось немного запудрить заклинанию мозги.

— Хмыри, дорогой стул, едят на завтрак разное! Особенно уважают тухлятину!.. — вновь заговорил Ягун. — А ещё, брат мой стул, Зербаган хочет добиться, чтобы Тибидохс перенесли с Буяна на север, где мошкара и вечная мерзлота. Туда, где не могут жить драконы, перемрут единороги, погаснут жарптицы и где нежить шныряет даже не скрываясь. А наш замечательный остров Буян, этот царственный рай, на котором ты, стул, вырос и был взлелеян с младой полировки, загонят тому, кто даст за него больше презренных зелёных мозолей. Ты удручён, брат стул?

Я вижу, ты рыдаешь и пыль уныния садится на твою многотрадальную спинку!

Таня подумала, что Ягун неисправим. Он и здесь не может обойтись без аффектации и преувеличений. Даже в глубокой старости, умирая, он, вероятно, обратится к своим наследникам с прочувствованной речью в стиле: «Дети и внуки мои! Вытрите глаза и носы! Возликуйте, что вы наконец сумеете пожить немного для себя! Ваш дедушка, ваш господин, ваш царь, ваш раб, уходит в мир иной!»

— Слушай, стул... — сказала Таня. — Если всё так скверно, то почему Сарданапал согласился на встречу выпускников? У него же и так по горло проблем. А тут ещё мы чего-нибудь учудим.

Ягун поскрёб пальцами шею:

— Ах, стул, деревянный брат мой! Как замечательно, что никто нас не слышит и ничего не может вякнуть! Потому что, если бы кто-то что-то вякнул, я ответил бы, что Сарданапал, этот великий человек, чья борода так длинна, а ум фундаментален, любит своих учеников и никогда ни в чём им не откажет. Шмыг-шмыг, стул! Я рыдаю и бьюсь головой о твою жёсткую ножку! А теперь, стул, я заканчиваю нашу с тобой приватную беседу. Знай, что ни одной живой душе я не выдам тайны, защищённой «Разрази громом»! И эту жуткую клятву взяла с меня, стул, заметь, родная бабуся, которая наотрез отказалась верить, что я вообще умею хранить секреты!

С этими словами Ягун решительно встал и, мигом утратив интерес к своему деревянному брату, взгромоздил на его сиденье свой тяжёлый военный ботинок. Ягун ценил высокие ботинки. Они позволяли не только хорошо пинаться, но и колотить пятками заупря-

мившийся пылесос. Похожие ботинки ценила и его девушка Катя Лоткова, правда, в отличие от Ягуна, её обувная армия была разнообразнее и кроме тяжёлых ботиночных танков и прочей сапожной артиллерии насчитывала и лёгкие кавалерийские соединения туфель, босоножек и прочей кокетливой рати.

Полюбовавшись на свой ботинок, Ягун точно по струнам провёл пальцами по шнуркам, поцокал языком и лишь после этого соблаговолил вспомнить о Тане:

— О, ты уже тут! Давно пришла?

— Час назад, — с иронией сказала Таня.

— Тшш! Ты что, перегрелась? — испугался Ягун. — Ладно, не важно... Смотри, что у меня есть!

Он сунул руку во внутренний карман драконьего комбинезона и, порывшись, извлёк толстую пачку приглашений. На обложке светилась, мигала вечерними огнями Большая Башня Тибидохса. У Башни с дубиной в руках ошивался циклоп Пельменник, на лице которого было написано желание испортить всем праздник. Заметив, что на него смотрят, циклоп завозился как паук. Единственный его глаз, выпученный, в багровых прожилках, заворочался в орбите. Ягун и Таня поспешно выставили блоки, скрестив указательный и средний пальцы. Не заблокировался только скелет Дырь Тонианно. Бедолага отлетел к стене и врезался в неё, как человек, в которого выпалили из дробовика.

— А этот откуда взялся? Вчера его не было! — хмуро сказал Ягун. Он попытался ногтем сощелкнуть Пельменника с обложки, однако тот только ухмыльнулся и никуда не исчез.

— А нельзя было купить приглашения без Пельменника? — поинтересовалась Таня.

Ягун смутился:

— Купить? Что я могу купить, когда я всем вокруг должен за пылесос? Джинн Абдулла дал мне их совершенно бесплатно.

Таня понимающе хмыкнула. Подарок Абдуллы! В сущности, больше ни о чём можно было не упоминать. Она перевернула верхнюю открытку и прочитала:

Вера Попугаева!

23 июня сего года в Зале Двух Стихий высшей школы магии Тибидохс (о. Буян) имеет место быть встреча выпускников, которая продлится до утра 26-го. Искренне надеемся, что Вы сумеете найти время и прилететь.

Грааль Гардарика будет разблокирована для Вашего кольца на весь указанный период.

*С уважением,
Ваш Сарданапал Черноморов,
глава Тибидохса,
лауреат премии Волшебных Подтяжек,
академик*

— Как-то очень уж торжественно! Что, действительно академик писал? — усомнилась Таня, поочерёдно просматривая ещё несколько открыток. Все совпадали слово в слово, за исключением, разумеется, обращения.

Ягун замотал головой так энергично, что казалось: ещё немного — и уши захлопают его по щекам.

— Не-а. Издеваешься, что ли? Сардик только подписывал. А писала моя бабуся. Мне самому было влом, и я провёл с ней агитационную работу.

— «Имеет место быть» — это Ягге придумала?

— Ага. Я предлагал написать «состоится», но бабуся была против. Она убеждена, что в «имеет место

быть» присутствует старомодная надёжность... В её времена именно так и писали. В общем, я не стал спорить, когда сообразил, что есть на кого спихнуть за-полнение билетов, — заметил Ягун.

Таня кивнула. Почерк был круглый, ровный, каллиграфический. Очень непохожий на обычные каракули играющего комментатора.

— А теперь самое ответственное! — с зашкаливающей бодростью продолжал Ягун. — Надо пригласительные доставить адресатам. Не стоит доверять купидонам. Эти пройдохи всё напутают. Облопаются пирожными, выпьют слишком много воды с газом и будут палить в лопухойдов из лука. Думаешь, откуда берутся скоропалительные браки?

— Считаешь, из-за газированной воды?

— Ну уж не знаю... Вслушайся: «палить из лука», «скоропалительные» — какая-то общая идея определённо прослеживается... Опять же точный адрес многих неизвестен, а раз так — придётся пораскинуть мозгами, которых у купидонов нет. В общем, я сказал Сарданапалу, что пригласительные развезём мы с тобой. Половину ты, половину я...

И, не дожидаясь Таниного согласия, Ягун принялся раскладывать приглашения на две кучки. Таня посмотрела на Ягуна, и ей почудилось, что кое-кому не терпится поскорее объездить новенький пылесос.

— Тэк-с... — бормотал лопухий комментатор, раскидывая билеты со стремительностью карточного шулера. — Тебе Гробыня с Гломовым, мне Горьянов... Ой, мамочка моя бабуся, как не повезло-то! Тебе Тузиков, мне Попугаева. Тебе Жикин, мне Семь-Пень-Дыр. Тебе Шито-Крыто, мне Пупсикова. Тебе Ванька, мне Зализина... А раз Зализина, то до кучи и Бейбарсов.

Всё равно они вместе... Ещё есть Свеколт и Аббатикова, но им, я думаю, можно и с купидонами послать... Блин, ну и кривой же сегодня день!.. Тань, а Тань, давай стопками меняться!

— Ну уж нет! Чтобы я к Зализиной летела? Хватит с меня Жикина, — отказалась Таня.

Ягун вздохнул:

— Ну так и быть! Уломала! Тогда держи до кучи Шурасика. Он, к слову сказать, в Магфорде, у своего прохфессора кислых щей. Выцарапывай его оттуда!

Таню это не вдохновило.

— Не хочь в Магфорд... С меня хватило дракон-больной практики с сентября по ноябрь. Может, сам смотаешься? — предложила она.

— «Драконбольной»... смотри как звучит! Всё равно как «дракон больной»! Впервые прочухал, а ведь, кажись, не первый раз слышу!.. — удивлённо сказал Ягун.

— Ягун, не прикидывайся глухим! Слетай в Магфорд, а?

— Вот ещё! Ты соображаешь, сколько моя пылесосина чешуи жрёт? До Магфорда на одной заправке мне не дотянуть. Лети лучше на своём контрабасе. Он у тебя бесплатный! — открутился хитрый Ягун.

— Ягун, не ворчи!

— Я не ворчу! Я скриплю, качаю права и негодую. Ну всё, пока! Встречаемся завтра утром! Над океаном летим вместе, а там разделимся. Лады?

Зажав в зубах свою порцию приглашений, играющий комментатор ловко оседлал пылесос и, пробормотав «*Торопыгус угорелус*», вылетел в окно. К запаху болота примешался запах перхоти барабашек и крысиной шерсти пополам с оливковым маслом. Ягун не знал меры в своих экспериментах с топливом.

Таня присоединила приглашение Шурасика к остальным и задумалась. К конспектам в тот день она так и не вернулась. Казино приняло ставки. Барабан её судьбы повернулся.

* * *

На другое утро Таня проснулась очень рано. Открыла глаза и вошла в жизнь сразу и без брызг, как входит в воду искусный прыгун. В голове была кристальная, щекочущая, свежая ясность. Ни обычного ожидания чашки кофе, которую скелет Дырь Тонианно, приученный Гробыней, подаст ей в постель; ни желаний раскачиваться, слабовольно обняв колени, и нового бессильного падения в подушку виноватой щекой — ничего этого не было. Свежие силы распирали её, хотя спала она часов пять, не больше. Таня поняла, что радуется предстоящей поездке. Радует, наверное, потому, что скоро увидит Ваньку.

За окном нежно золотился рассвет. Цветом он напомнил ей мороженое с персиковым наполнителем, и она рассердилась на себя за пищевую материальность сравнения. Ужинать надо вечером, такие дела...

Услышав стук в стекло, Таня подошла к окну. Вдали хорошо различался серебристый полукруг драконьего поля. Гораздо ближе энергичными зубцами прочерчивались две башни Тибидохса. Давно знакомый и любимый вид.

За окном на ревушем пылесосе завис Баб-Ягун. Несмотря на жару, он был в утеплённом драконьем комбинезоне, в меховой шапке и в перчатках. Здесь внизу это выглядело нелепо, но когда они полетят высоко над землёй в ледяном воздушном течении,

смеяться будет тот, у кого хватило ума предусмотрительно утеплиться.

— Коброе путро! — сказал Баб-Ягун. Он всегда так издевался над утром, и утро ему это пока спускало.

— И тебе того же и без хлеба, — отвечала Таня.

Ягун сердито уставился на её белую ночнушку:

— А это что такое? Ты ещё не готова?

— Я буду готова, когда ты перестанешь меня отвлекать. Встречаемся через десять минут у подъёмного моста.

— Десять минут? Ха, ха и ещё раз ха! Женские десять минут — это верные полчаса. Я мог бы поспать подольше, — с сожалением сказал Ягун.

Играющий комментатор развернул пылесос и, газанув, скрылся. Таня намётанным глазом определила, что он направился не к подъёмным воротам, а к окнам Кати Лотковой. Повезло Ягуну, что Лоткова осталась в магспирантуре. Не то что лопух Ванька, от которого, кроме купидонов с редкими письмами, ничего толкового не дождёшься.

Ванька улетел десять месяцев назад, в августе. На старом пылесосе с обмотанным скотчем шлангом, который подарил ему Ягун. Прощание вышло скомканным. В последнюю минуту, когда Ванька, то и дело оглядываясь, грустный, сутулый, садился на пылесос, Таня повернулась и убежала в комнату. На душе у неё было скверно. Даже не кошки скребли, а старые холостяки оттирали наждаком пригоревшие кастрюли.

— Всё, пока! Ненавижу стоять и махать платком. Заскакивай как-нибудь! — сказала она, собрав всю волю в кулак.

За неполный год Ванька прислал девятнадцать писем. Он писал, что поселился в покинутой сторожке

лесника, в бревенчатом доме. Дом он описывал не без юмора. Рассказывал, что, если подняться на чердак, сквозь крышу открывается прекрасный вид на звёздное небо. «Проще говоря, крыша дырявая!» — расшифровала Таня.

Весь стол, писал Ванька, у него завален книгами, не магическими — человеческими. Философия, искусство, художественная литература...

Я заново открываю для себя жизнь. Читаю то, на что раньше не было времени, а сам всё не могу отказаться от прежней привычки искать на полях тайные знаки, предупреждающие об ослепляющих абзацах, ядовитых закладках, засасывающих дырах и прочих милых проказах авторов. Мне кажется, наши магические книги не так интересны. Они не объясняют смысл жизни, а содержат лишь прикладные сведения о нежити, заклинаниях, астрологии, защите от сглаза и так далее... Если разобраться, не мы, маги, отделили себя от обычных людей, но обычные люди отринули нас от себя. Нам не следовало изолироваться. В результате наша жизнь во многом стала суррогатом. Мы слишком увлеклись преобразованием жизни, вместо того чтобы просто наблюдать её...

Читая письмо Ваньки, Таня поняла, что он стал гораздо серьёзнее.

Разумеется, Ванька поселился в глуши не затем, чтобы читать лопухоидные книги и латать дыры в образовании. У него была и другая, более ясная и близкая цель. Он занимался ветеринарной магией в располо-

женной неподалёку, в четверти часа полёта на пылесосе, лечебнице, где кроме него работал только один маг — бровастый и сиплый старик, плод запретной любви домового и жившей два столетия назад жены лесника. Когда не было дел, старый маг часами мог сидеть неподвижно. Казалось, он не дышит и если к губам и ноздрям его поднести зеркальце, оно не запотеет.

В лечебницу, как забавно писал Ванька, обращались в основном лешаки с жалобами на гарпий, водяные с доносами на лешаков и гарпии со сварливым нытьём, что их никто не любит, хотя они мягкие и пушистые, — и всех приходилось принимать, хотя лечение нежити не входило в прямые обязанности ветеринарного мага. Это была скорее их неминуемая побочная составляющая. Дважды приходилось оказывать помощь вепрям, застывшим в зимнем лесу, один раз оборотню и один раз собаке с головой грустной девушки, которая поселилась было в лечебнице и выла ночами, никем не понятая, а после ушла куда-то на восток, заявив, что хочет посмотреть Тибет. Помимо этого существовало ещё нечто, какая-то тайна, о которой Ванька не вспоминал, но наличие которой Таня интуитивно ощущала. Тайна эта как туман пряталась где-то между строк, как прячется в полдень упорная тень, серым дымком обитая у древесных корней.

Таня и гордилась Ванькой, и сомневалась, что его теперешняя жизнь в чащобе настолько уж полезнее магспирантуры. Слушать жалобы гарпий с наименьшим успехом можно было и на Буяне. И вообще, когда жизнь колотит тебя лицом об стол, это ещё не значит, что ты приобретаешь практический опыт.

Облачившись в драконбольный комбинезон, Таня заколола волосы и надела чёрную горнолыжную шапку. Шапка была подарком Пипы, которая считала старой

любую вещь, которую ей пришлось надевать больше двух раз.

Когда Таня открыла футляр, крайняя, самая толстая струна контрабаса издала низкий и радостный гул. Последнее время они летали редко, и инструмент сейчас был явно доволен. Внимательно оглядев смычок и убедившись, что трещин нет, Таня удовлетворённо кивнула и распахнула окно.

— *Тикалус плетутс*, — произнесла она среднее по силе и скорости полётное заклинание. Начинать сразу с «*Торопыгуса угорелуса*» было неразумно, особенно здесь, в тесном нагромождении башен и строений. Разумеется, Ягун мог считать иначе, но Таня совсем не обязана была идти у него на поводу.

Перстень Феофила Гроттера выбросил зелёную искру. Таня прилегла боком на контрабас, мягко скользнувший в окно. Она развернулась, обогнула башню, пронеслась над стеной, полётные блокировки с которой они с Ягуном в последние месяцы научились обходить, и оказалась как раз над подъёмным мостом. Её встретил брачный хор лягушек, давно облюбовавших зацветший ров.

На подъёмном мосту стоял Поклёп Поклёпыч, над головой у которого завис Ягун. Поклёп что-то орал, требуя у Ягуна, чтобы он снизился, внук же Ягте пока медлил. Он явно тянул резину. За спиной у Поклёпа, поигрывая дубиной, возвышался циклоп Пельменник. «Засыпались, и так тупо! Другого места для встречи не могли найти!» — с досадой на себя и на Ягуна подумала Таня.

— Ага, Гроттер! Ещё одна умная нашлась! А ну лети-ка сюда! — заметив её, торжествующе крикнул завуч.

Перстень Феофила Гроттера нагрелся, отражая слез. Таня чуть снизилась, однако с контрабаса не слезла, следуя примеру Ягуна.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Поклёп.

— Ну... э-э... лечу! — ответила Таня. Отрицать очевидное не имело смысла.

— Над Тибидохсом летать не положено! Летать положено на драконболе, — сурово отрезал завуч.

— А плавать с русалками — только в ванне! — встрял Ягун.

— Почему? — не понял Поклёп.

— Если летать положено лишь на драконболе, то плавать можно лишь в ванне, — заявил играющий комментатор.

На Поклёпа этот аргумент впечатления не произвёл:

— Снижайтесь, кому говорят! Давайте сюда пылесос и контрабас! Если кто попало будет через стену летать, зачем тогда стена нужна? Для красоты?

— Ну мало ли зачем. Красота — великая сила. По стене гулять можно, на лес смотреть... — предположила Таня.

— Ответ неверный, магспирантка Гроттер! Если стены нет, тогда что? Выходит, летай кто хочешь? — склонив голову набок, вкрадчиво спросил завуч.

— Почему бы и нет? — пожала плечами Таня.

Поклёп ухмыльнулся:

— Сегодня летай, завтра проходи сквозь стены, послезавтра телепортируйся. И что в результате? Стены будут наспигованы застрявшими недоучками, а койки магпункта завалены ранеными! Школа превратится в Бардак и Гоморру!

— Содом. Содом и Гоморру, — машинально поправила Таня.

Это было ошибкой. Поклёп терпеть не мог, когда его поправляют.

— Выпендриваемся? Умничаем? Я вам поумничаю! А ну марш вниз, я сказал! Вы задержаны за нарушение внутреннего распорядка для студентов! — заявил Поклёп.

— Мы не студенты. Мы магспиранты, — уточнил Ягун.

Поклёп приятно удивился. Его маленькие глазки собрались у переносицы в кучку.

— Да что вы говорите! А шапочку перед вами не снять, магспиранты недоделанные? В ножки не поклониться?.. А ну живо сюда пылесос и контрабас! Вам придётся объяснять своё поведение педсовету!

На лбу у завуча как канаты вспухли жилы. Это был скверный признак. Таня и Ягун переглянулись. Было ясно, что он закусил удила. Что делать? Неужели всё бросить и отправиться к Сарданапалу, единственному, кто может надавить на Поклёпа? Учитывая, что академик обычно спит допоздна, это может занять несколько часов, а там окажется, что и лететь сегодня поздно. Выход из положения нашёл Ягун. Он послушно направился к Поклёпу, но когда тот протянул руку, пылесос странным образом взбрыкнул, взревел и рванулся в сторону. Ягун едва удержался, вцепившись в трубу.

— А-а-а! Мамочка моя бабуся, спасите! Мой пылесос! Он сглажен! Я не могу его остановить! Спасите меня, люди добрые! Я слишком молод, чтобы умирать! — завопил играющий комментатор.

Повиснув на рвущемся из рук шланге, он стремительно умчался в сторону *Грааль Гардарики*. Поклёп, никак не ожидавший такой наглости, опешил. Таня взмахнула смычком и устремилась за Ягуном.

— Куда ты, Гроттер? А ну стоять! — опомнившись, закричал ей вслед Поклёп.

— Ягуна спасать... Разобьётся ж человек! — крикнула Таня.

— Мы ещё вернёмся к этому разговору, магспирантка Гроттер! Я ничего не забываю! — догнал её яростный вопль Поклёпа.

Вода плеснула. Из рва высунулась всклокоченная шевелюра Милюли.

— Нет, забываешь! Клёпа, ты забыл принести мне завтрак в болото! Я сегодня буду халтурить, целуя тебя в щёчку! — сказала она томно.

Пельменник не выдержал и гоготнул. Поклёп повернулся к нему с такой яростью, что циклоп вытаращил глаз и, надув щёки, вытянулся по стойке «смирно».

Таня нагнала Ягуна уже у купола. К тому времени внуку Ягте уже надоело болтаться на шланге, и он перебрался в седло пылесоса.

— Тебе не кажется, что мы нарвались? — спросила Таня озабоченно.

— Не-а, не особо... Хотя вони, конечно, будет... И вообще, Танька, ты всё время забываешь, что мы уже не дети. Нормальные взрослые люди! — сказал Ягун важно.

Таня посмотрела на этого «нормального взрослого», который, болтая ногами, сидел на пылесосе, и вздохнула.

— А Поклёп, несмотря на все свои заскоки, не такой уж и мерзкий. Даже где-то добрый. Немного психопат, но это уже издержки производства. В школе нормальные люди не удерживаются! Одни мигом становятся буйными психами, а другие заторможенными, — великодушно сказал Ягун.

— Скажи спасибо, что миляга Поклёп не влил в твой пылесос пару боевых искр. Высоко пришлось бы падать, — улыбаясь, проговорила Таня.

Ягун не слишком испугался:

— Да ну! Он бы не стал нарываться. За каждый мой перелом бабуся сказала бы ему такое «спасибо», что он до конца жизни вздрагивал бы даже при слове «пожалуйста».

— Думаешь?

— Ты не знаешь Ягге. Я её бзик. Даже так: любимый бзик. И вообще, за смертью надо гоняться. Тогда она испугается и убежит, — решительно заявил Ягун.

Немного суеверной Тане, убеждённой — не без оснований, — что все слова материальны, это утверждение показалось слишком смелым.

— А если не убежит? Если скажет: «Ах! Какой милый мальчик! Ну пусть он меня догонит, если ему так хочется!» — спросила она.

Ягун не стал возражать. Небо впереди стало светлее. Солнце чуть расплылось. Это означало, что купол Тибидохса совсем рядом.

— *Грааль Гардарика!* — разом произнесли Таня и Ягун.

Семь радуг, разомкнувшись, пропустили их. И хотя внешне всё осталось таким же — небо, ветер, солнце, взлохмаченные воды беспокойного океана внизу, — ощущения от окружающего стали иными.

«Внешний мир... Это внешний мир», — подумала Таня.

* * *

Контрабас скользил в воздушном течении точно чёлн, который несётся в быстром потоке. Но была в движениях контрабаса и некая неуверенность. Мудрый инструмент чувствовал нерешительность хозяйки, улавливая дрожь смычка в её руке. Таня никак не